

ЧАСТНАЯ
ЖИЗНЬ3
СТР.

Как на духу

Людмила Гурченко:

«Я всегда летаю в одиночку...»

- А из чего еще, из каких, грубо говоря, компонентов состоит ваша необычная даже для нашего постсоветского экзальтированного менталитета популярность? Вы могли бы ответить на такой вопрос, Людмила Марковна?

- Нет. И не только потому, что он содержит некую некорректность в постановке. Просто, если отнестись к нему серьезно, пришлось бы вспомнить по каким-то определяющим вехам всю мою нелегкую жизнь в искусстве, а это уже неоднократно сделано.

И тем не менее я позволю себе напомнить читателям про эти «вехи» по трем, с моей точки зрения, достаточно веским причинам. Во-первых, наверняка не всем удалось познакомиться с удивительными книгами Гурченко «Мое взрослое детство» и «Аплодисменты». Во-вторых, даже расхождение биографических сведений не способно приблизить нас к разгадке того самого «секрета Гурченко». А в-третьих, жизненный пример актрисы достоин всяческого подражания именно сегодня, когда подавляющему большинству из нас так трудно, так невыносимо тоскливо и безысходно, что иной раз и завывать хочется. Вот и вспомним, какие тяготы и невзгоды перенесла эта миниатюрная женщина задолго до наших с вами бед. Однако ведь не сломалась и не озлобилась на мир.

Звездный час студентки Института кинематографии Гурченко безусловно наступил после фильма «Карнавальная ночь». Такого шкального, смерчоподобного успеха не знала, пожалуй, никакая другая советская киноактриса, включая и Любовь Орлову. Да, последней восхищались, но в основном как сказочной феи, недостижимо далекой звездой. А Леночка Крылова стала обыкновенной советской, земной Золушкой, которой можно было запросто и во всем подражать. Поэтому все девушки страны сразу стали походить на Гурченко, а остальная часть населения в удовольствие напевала про пять минут: «И улыбка, без сомненья, вдруг коснется ваших глаз, и хорошее настроение не покинет больше вас».

Много лет спустя Людмила Марковна с горечью признается: «Как неправильно, когда слава приходит к молодому актеру! Он еще сырой материал... Слава меня изломала и оставила в полном недоумении».

В реальности-то было еще хуже сказанного. Пылкая зрительская любовь, многочисленные выступления на концертных площадках и в дешевых фильмах привели молодую актрису к тому, что тогдашняя главная газета страны «Правда» выступила с разгромным фельетоном и карикатурой. По неписаным законам тогдашней идеологии на творческой карьере Гурченко как бы ставился жирный крест, ибо в девяносто девяти из ста случаев подобный вердикт обжалованию не подлежал.

- Что помогло вам тогда выстоять перед жесточайшим, будем называть вещи своими именами, ударом судьбы: ваш характер, стечение обстоятельств, поддержка друзей, вера в себя?

- В каком-то смысле каждое из этих обстоятельств помогло, за исключением, может быть, поддержки друзей. Но, как мне представляется на дистанции довольно долгого времени, все же решающим спасением явилась моя профессия. Она была и остается для меня с юных лет как религия. А может, и больше, чем религия. В этом смысле я, наверное, счастливый человек, потому что судьбе угодно было подарить мне дело, занятие, которое поглощало и до сих пор поглощает меня полностью, без остатка. Даже не представляю себе, кем бы могла быть еще, кроме как актрисой.

И вот эта фанатичная вера в профессию в конечном итоге позволила мне выстоять. Хотя я долго не могла прийти в себя, оставшись на пепле. Казалось, уже никогда не поднимусь, не выживу, не смогу открыто смотреть людям в глаза. Но именно тогда, как уже теперь понимаю, я стала особенно сильной, потому что судьбой своей управляла сама.

- Вы никогда не делали секрета из того, что в искусстве исповедуете принципиальный и достаточно жесткий индивидуализм, качество, мягко говоря, для нас, по-прежнему еще советских людей, не очень характерное.

- Истинная правда. Я всегда летала и летаю как орел, в одиночку. Поэтому воробы, приверженцы стаи, меня не любят.

Согласись со мной, читатель: такая позиция актрисы не может не вызывать если и не восхищение, то по меньшей мере понимание. Тем более когда знаешь, что великая и разнообразная творческая жизнь этого уникального художника просто-таки изобилует головокружительными взлетами и падениями. Чего стоит хотя бы тот творческий тупик, в который по молодости лет завело актрису коварное амплуа, когда ее самоповторения становились все более удручающими, а первый успех многим уже стал казаться явлением случайным. Но она нашла в себе силы не только спародировать самое себя, безжалостно высмеивая собственные штампы (в данном случае имеется в виду пьеса «Тень» Е. Шварца), но и дерзко разрушить устоявшиеся стереотипы личного творчества. Так появилась роль директора ткацкой фабрики в фильме режиссера В. Трегубовича «Старые стены». Поклонники Гурченко не верили: неужели это та самая актриса, которая так потрясла их в «Карнавальная ночь»?

Больше того, в шоке оказались и многочисленные записные партийные критики, которые уже давно похоронили «эксцентричную выскочку». Никто из них не мог взять в толк, откуда у этой «посредственности» взялись столь мощная драматическая игра, такой тонкий психологический рисунок роли? Так же не бывает...

Бедные и зашоренные, они не понимали в принципе не очень сложной истины: из заколдованного круга амплуа не по силам вырваться посредственностям и даже крепким ремесленникам. Но для настоящих художников непреодолимых высот не существует. Что Гурченко блестяще доказала в своих последних фильмах: «Двадцать дней без войны», «Особое важное задание», «Сибиряда», «Вторая попытка Виктора Крохина».

После лирической, пронзительной по глубине содержания картины «Пять вечеров» французская пресса с почтением назвала актрису «московской Жанной Моро» (хотя мы-то прекрасно с вами знаем, что на самом деле Гурченко - это Марлен Дитрих). Американские зрители навзрыд плакали над судьбой героини из фильма Никиты Михалкова.

Примерно в это же время Людмила Марковна совершила великолепный, если не уникальный прорыв на музыкальном фронте, подготовив на телевизионный большой программу «Песни военных лет».

«Меня поразило, - печатно восторгаясь известным поэтом Михаилом Матусовским, - как Людмила Гурченко сумела передать сам дух фронтовых песен, их душевность и чистоту, их строгость и даже некоторую сентиментальность, как по-разному исполняла она лихую песенку о двух отчаянных тетках Максима и трогательный прощальный офицерский вальс. На экране не было особых декораций и выгородок, артистка была одета весьма скромно, оператор чаще всего снимал певицу крупным планом, следя за ее глазами, ловя выражение лица, но вместе со старыми мелодиями перед нами проходило Время».

Если что-либо здесь можно добавить, так лишь то, что блестящим исполнением фронтовых песен Гурченко окончательно пленила и победила всех своих недругов. Ибо даже самые злые и занудные критики творчества актрисы, скрипя зубами, вынуждены были признать: в советском песенном искусстве случилось явление. Что же касается кинематографистов, то они наперебой стали предлагать Людмиле Марковне новые роли. Одна из них была в фильме-сказке «Мама». Примечательность работы заключалась в том, что актриса спустя многие годы вновь снималась в музыкальной ленте. Но лучше бы она обошла ее стороной...

В одном из эпизодов Гурченко сломала ногу. Перелом был жутким, или на языке профессионалов - множественным. Даже самые оптимистичные эскулапы в один голос

заявляли: танцевать после такой травмы невозможно. Роль кое-как она досняла, работая в гипсе, превозмогая адскую боль. Но что такое физические страдания на фоне нравственных мучений, когда над тобой дамокловым мечом висит страшный приговор!

О том, как Гурченко в очередной раз победила трагические жизненные обстоятельства, в двух словах не скажешь, потому что все эти бесчисленные массажи, специальные тренировки и уникальные упражнения растянулись на долгие месяцы. Но все превозмогла, все сдюжила эта маленькая, хрупкая женщина. Подвиг ее тем более удивителен, что в очередной раз совершен в одиночку.

«Я ни от кого не завишу: так устроила и свою личную жизнь, и жизнь профессиональную. Я никогда не завишу от режиссера. Это единственное, за что я боролась всю жизнь, поэтому свобода абсолютно. И уж тем более никогда я не подчинялась системе, обстоятельствам».

- Людмила Марковна, я, разумеется, понимаю всю неоригинальность и даже некую пошловатость вопроса, но ради

Бога, скажите, как вы так держите себя: даже не то что в форме (это-то как раз понять можно), а остаетесь желанной (в том самом смысле!) для нас, мужчин?

- Если оставить за скобками некий налет фрейдиизма в этом вопросе, то могу ответить. Многие во мне от природы, если хотите, от Бога. Никто же не может сказать, что я следую каким-то особым диетам, исповедую так модную сейчас восточную философию. Я такая, как есть, - спасибо отцу с матерью.

Иной вопрос, что сама себя держу в форме. Но очень нормально, без надрыва. Помню, после фильма «Гулящая» обо мне вдруг заговорили, как об... алкоголичке. А я, если разобраться, человек вообще непьющий. Если бы я себе позволяла дружбу с Бахусом, то никогда бы не выглядела так, как выгляжу. Опять же профессия у меня такая, да нет - способ моего существования таков, что не позволяет иметь слабости, обыденные для нормальных людей. Я всегда жестко, если не жестоко смотрела на себя в зеркало, поэтому и выжила.

- Коль упомянули о родителях, расскажите, пожалуйста, о них подробнее.

- Я вот иной раз, грешным делом, думаю, хорошо, что мой отец не дожил до сегодняшних времен. Он, наверное, не пережил бы внезапного откровения того, что напрасно прожил жизнь. Ему было бы трудно, если вообще возможно, понять: все, что давал людям, стране, - все это никому оказалось не нужно... И революцию он вряд ли переосмыслил бы. Она же для него действительно открыла все возможности. Правда, на склонах лет папа все-таки пришел к выводу, что по призванию он никакой не шахтер, тем более не баянин, а крестьянин. Его обстоятельство «втащили» в интеллигенцию, и он неплохо соответствовал этому званию, но...

А мама моя - потомственная дворянка. Если от папы мне достались веселость нрава, черты характера, которые многими расцениваются как «простолудинские», то мамино наследство - жесткость, собранность, тот самый индивидуализм, который тоже во многом помог мне в жизни, но еще больше в искусстве.

Вообще-то у меня были замечательные родители. Но могут ли они быть иными?..

- Интересно, как вы сами относитесь к нашей во многом незаладившейся жизни?

- Нормально отношусь. Но скажу о другом. Когда вдруг стало все можно, многие из нас заглохли. Не смогли переплюнуть сами себя, потому что весь запас плевков исчерпался, а больше ничего за душой не было. Получилось, что к свободе мы пришли без всякого запаса. А он нужен и в жизни, и тем более в творчестве.

- Этот материал будет опубликован в следующем номере. Отсюда просьба: несколько слов о ваших планах и пожеланиях нашим читателям.

- Буду работать. Мечтаю о театральной роли, хотя бы не хуже той, которую сегодня играю в Театре сатиры. Выпускаю компакт-диск «Грустная пластинка. Советские песни в джазе». Езжу с концертами и по стране, и за рубеж.

Ну а читателям пожелаю выдержки, бодрости духа и надежды. Не унывайте, не бойтесь, рискуйте! Помните, как пела моя Вера из «Вокзала для двоих»: «Не проиграв, не победить!»

...Гурченко не грозит старость, как не грозит она нашим ностальгическим воспоминаниям. У этой актрисы со временем особый сговор, идущий от тех незабвенных «пяти минут». Она - достояние нашей республики. Тысячу раз прав был поэтом Никита Михалков, когда сказал: «Пока поет Люся, эту страну не победить». Будем учиться у нее жизненной смелости и дерзости, чего нам всем очень не хватает - в этой стране по крайней мере. А Люся, Людмила Марковна, пусть знает: если наша зрительская любовь и впрямь чего-нибудь стоит, то она очень богатый, сказочно богатый, как Крёз, человек. Отныне, и присно, и во веки веков!

Михаил ЗАХАРЧУК